

IV. ИСТОРИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ

14

О глобализме мировой истории

А. М. Буровский

Статья посвящена проблемам написания единой истории человечества. Существует много аргументов в пользу и единой истории, и написания истории отдельных цивилизаций. Автор приходит к выводу о том, что глобальная история требует «выхода» за системы ценностей и игнорирования исторического опыта отдельных цивилизаций. Это осуществимо, только если человек осознает самого себя не представителем народа и цивилизации, а землянином, представителем цивилизации антропоидов.

Рассматривая человека и человечество, в том числе свою собственную цивилизацию, как естественно-научный объект, сам исследователь до известной степени «выходит из человечества». Становятся неприципиальными культурные и нравственные ценности как самого исследователя, так и сравниваемых им цивилизаций. Описывать их можно, но использовать для сравнения и оценки особого смысла не имеет.

Описанию, учету и сопоставлению подлежат только физикалистские проявления общественной жизни, то есть функционирование и развитие данного общества как части мыслящего вещества и его взаимодействие с живым и неживым веществом.

Любое общество может быть рассмотрено, проанализировано и сравнено с другими как ландшафтообразующий элемент, как часть геологической истории Земли, как энергетическая система, которая организует превращение солнечной энергии в ее земные виды, дальнейшую трансформацию и аккумуляцию этой энергии.

Физикалистский подход игнорирует именно эмоциональную сторону – неважно, кто был «лучше» и с какой точки зрения. Важны трансформация вещества, накопление энергии, создание орудий труда, способность изменять окружающий мир себе на пользу.

Ключевые слова: цивилизация, культура, система ценностей, глобализм, региональный подход, культурно-исторический подход, физикалистский подход, объективность.

Эволюция 9 (2018) 231–259

То, что нас так много, компенсирует недостаток ума каждого.

Ю. Лотман

Эмпирически очевидное, или В пользу глобальной цивилизации

Существует ли глобальная история? А история вообще? История человечества? Несомненно, да, потому что человечество – совокупность популяций одного высокоразвитого биологического вида. Все люди обладают членораздельной речью, материальной и духовной культурой, социальной организацией.

Эмпирически очевидно, что любая популяция людей в любом регионе Земли хотя бы в некоторых отношениях изменяется так же, как и все остальные.

Для начала отметим рост численности населения – во всех культурах, во всех регионах, во все эпохи и для всего человечества в целом. Можно считать это качеством, имманентно присущим человечеству и всем группам, на которые оно подразделяется, – стремление к росту своей численности и территориальной экспансии. Человечество в целом стремится все плотнее и плотнее заполнить поверхность земного шара. Каждая отдельно взятая, в том числе изолированная от других, популяция стремится заполнить все географическое пространство, какое ей по силам.

Это банально, но позволю себе отметить эволюцию орудий труда и механизмов в поздние исторические эпохи. Многие историки культуры относятся к материальному производству с явным отвращением, словно греческие эвпатриды IV–V вв. до Р. Х.: примером может служить их реакция на преувеличение марксистами значения материального производства. Но факторы эволюции человечества нимало не ответственны за преувеличение людьми значения этих факторов.

Столь же очевидно и поступательное усовершенствование способов обработки земли. В результате, во-первых, с одной и той же территории собирают все большие урожаи, а во-вторых, все более совершенные системы земледелия охватывают все большие пространства Ойкумены.

В IX–VI тысячелетиях до Р. Х. мы наблюдаем лишь отдельные очаги земледелия в отдельных регионах земного шара. В Южной и Восточной Азии, в Африке в эту эпоху земледелия нет вообще. В Западной Азии и в обеих Америках – буквально отдельные его «точки». И это не сплошные массивы антропогенных ландшафтов – земледелие «жмет» к поймам рек, поля, огороды и сады окружены природными ландшафтами.

Разумеется, рост численности населения, усовершенствование орудий труда и распространение антропогенных ландшафтов – тесно связанные явления.

Само появление земледелия вне пойм рек во всех регионах Земли связано с применением железа для обработки почв и железного топора для рубки лесов.

Установившиеся термины для описания этих явлений очень неточны, что «неолитическая революция» Г. Чайлда (1952), что «железная революция» Ю. Березкина (1988). Но в обоих случаях авторы однозначно связывают прогресс техники с прогрессом земледелия и указывают на рост населения как на следствие «революций».

Этот процесс идет с разной скоростью, но **повсеместно**. Показательна судьба цивилизаций и Центральной, и Южной Америки. Каждая из них развивалась изолированно и от другой, и от всего остального человечества. Но и ацтекско-майяская, и перуанская цивилизации знали совершенствование орудий труда, интенсификацию хозяйства, рост населения.

Не менее очевидный фактор, характерный для всех цивилизаций во всех уголках Земли, – усложнение социума, умножение числа субкультур в культурах, возникновение новых общественных групп, социальная стратификация по все более сложным параметрам. Общество неизбежно становится сложнее, что тоже связано с ростом числа его представителей, хотя здесь взаимосвязь менее жесткая и очевидная.

Почти так же эмпирически очевидно и такое явление, как усложнение и рационализация культуры.

Усложнение проявляется в том, что, во-первых, поступательно возрастает и объем знаний, и объем письменной культуры – свод текстов, составляющий основу интеллектуальной культуры народа; во-вторых, нарастает объем знаний, который порождает иерархию знающих по степени овладения знаниями, их специализацию.

Известны библиотеки Древнего Вавилона и Ассирии, найденные при раскопках столицы Ассирии Ниневии. В каждой из них хранилось самое большее 20–30 тысяч глиняных табличек с текстами. Большая часть этих текстов – хозяйственные записи, подсчеты хранящегося зерна и металла.

Легенды, мифы, литературные произведения, стихи, ученые трактаты... Их всего несколько сотен, созданных за все время существования Вавилона. В любой библиотеке маленького городка современной Земли хранится в десятки раз больше литературных, философских и научных произведений. Каждый вавилонянин мог прочитать **все**, что написано на вавилонском языке. Мог знать **всю** и художественную, и научную литературу. Целиком. Это делало каждого образованного человека энциклопедистом и универсалом, хранителем **всех** сокровищ письменной культуры.

Известно, что в Мусейоне в эпоху Птолемеев хранилось около миллиона рукописей. Если даже каждая из этих написанных на папирусе рукописей была отдельным самостоятельным литературным произведением, то таково все письменное наследие Древнего Египта за 3 тыс. лет его истории. В наше время 1 млн единиц хранения поступают каждый год в Библиотеку Конгресса США.

Античные эллины и римляне уже не обязательно несли в себе **всю** культурную традицию целиком. Грамотными были почти все граждане Афин и других крупнейших полисов.

Римский гражданин до II в. от Р. Х. был грамотен по определению. Во времена Октавиана Августа ходил анекдот, который казался очень ядовитым римлянам: «Неграмотного гражданина поймали».

В Риме грамотность стала по-настоящему массовой. На 80 или 100 млн жителей Римской империи приходилось не менее 3–4 млн человек, умеющих писать и читать на латыни, и не меньше 1 млн – на греческом.

С одной стороны, 40 тыс. граждан Афин в V в. до Р. Х. – это больше грамотных людей, чем во всем Египте II тысячелетия до Р. Х. с его 8 млн населения. 4 млн грамотных римлян – это половина населения Египта того же времени.

С другой стороны, далеко не все грамотные были хорошо образованы. Тем более далеко не все они несли в себе все сокровища и достижения культуры.

Нарастает специализация. Врач не читает сочинений архитекторов. Мореплаватель не знает трактатов о сельском хозяйстве.

Нарастают различия между уровнями освоения письменной культуры.

Крупнейшие римские ученые: Гай Плиний Секунд Старший, Марк Теренций Варрон, Луций Анней Сенека – в первую очередь энциклопедисты. Это те немногие люди, которым потребовалась вся жизнь на то, чтобы овладеть если не всеми ценностями культуры, то по крайней мере их очень значительной частью.

Сочинения Гая Плиния Старшего (23–79 гг. от Р. Х.) потребовали от него прочтения приблизительно 2 тыс. книг, из которых он извлек до 20 тыс. заметок.

Марк Теренций Варрон в книгах о сельском хозяйстве ссылается примерно на 50 греческих и латинских авторов, своих предшественников, писавших о сельском хозяйстве.

Авл Корнелий Цельс, Тит Лукреций Карр и Вергилий тоже ссылаются на римских и греческих предшественников. Их работа с литературными источниками заложила традицию ссылок, которые в настоящее время присутствуют любой научной работе.

Но чтобы так работать с источниками, нужно потратить на чтение и письмо десятки лет, не отвлекаясь ни на что другое.

Итак, общим и универсальным явлением следует считать рост объема культуры, порождающий ее специализацию.

Рационализация средств передачи информации

Еще одна эмпирически очевидная закономерность – появление письменности и ее последовательное упрощение: от рисуночного письма к иероглифике, от нее – к слоговой, а затем к алфавитной письменности.

Предписьменность и письменность появлялись множество раз в различных областях Ойкумены, очень часто – вне всякой информации об опыте других обществ.

Чрезвычайно характерно появление узелковой письменности, кипу, у индейцев Южной Америки и иероглифики у народов Центральной Аме-

рики. Так же независимо от достижений других центров культуры в каждом из них иероглифика усложняется и сменяется более совершенными формами письменности.

Цивилизации Америки к моменту появления конкистадоров находились в самом начале пути: майя, создавшие самую сложную систему письменности, знали не более 800 иероглифов. В Древнем Египте помимо основных 600–800 иероглифов одновременно использовалось 3–4 тыс. знаков – система письменности начиналась с рисуночного письма и небольшого числа иероглифов, как у майя.

Иероглифические тексты неопределенны, нечетки и очень часто позволяют разные толкования, поэтому, например, так трудно изучать древнюю китайскую историю. Отрывочные иероглифические сообщения невняты настолько, что часто вообще не очень понятно, о чем идет речь.

Если не произошел переход на слоговое, а потом на алфавитное письмо, число знаков, необходимых для создания сложных текстов, растет неудержимо.

На востоке Евразии, в Китае, к XVII–XVIII вв. появилось до 85 тыс. иероглифов. Чтобы читать почти все тексты, достаточно знать 3–4 тыс., но чем больше иероглифов помнит человек, тем он грамотнее.

На западе Евразии появляется слоговое, а затем и алфавитное письмо.

На востоке Евразии совершенно независимо от этого опыта появляется японская слоговая азбука (хирагана) из 46 базовых знаков и 104 основных сочетаний.

Рост независимости от окружающей среды

Усложнение живых организмов делает их все более независимыми от внешней среды, в том числе от резких изменений климата, природных катастроф и катаклизмов.

Таким же образом усложнение культуры делает ее более устойчивой и независимой. Можно привести примеры множества первобытных культур, погибших из-за не таких уж больших изменений внешней среды. История вымирания эскимосов-ихалмютов после истребления северных оленей (карибу) очень трагична (Моуэт 1988), а ведь таких историй известно множество. Просто не на все нашелся свой Фарли Моуэт, чтобы их описать.

Аграрные цивилизации несоизмеримо устойчивее, но и они нередко погибали, если не могли приспособиться к изменяющимся внешним условиям.

Изменения условий могли быть вызваны деятельностью самого же человека – но что это принципиально меняет?

К моменту появления в Индии ариев индская цивилизация (цивилизация Мохенджо-Даро) пребывала в полном упадке из-за деградации среды своего обитания (Бонгард-Левин, Ильин 1969; Бонгард-Левин 2003).

Цивилизация майя знает «таинственный» исход из многих городов в X в. – явно под влиянием экологических проблем (Гуляев 1984; Джилберт 2000; Рус 1986).

Особый случай – гибель отдельных достижений цивилизации или цивилизации в целом после гибели немногочисленных носителей высших форм культуры.

Вот яркий пример этого. То, что в Египте забылась история о плаваниях Баурджеда, достигшего Южной Африки, – не мрачная выдумка И. А. Ефремова. Невероятное по тем временам плавание совершалось в годы правления фараона Хафры, или Хефрена. Греки называли его Суфис II. Это был четвертый фараон Египта из IV династии и правил он, вероятнее всего, между 2558 и 2532 гг. до Р. Х. Хафра был либо братом и наследником Хуфу, которого греки называли Хеопсом, либо сыном Хуфу и наследником другого его сына, Джедефры. Имя его означает «Подобный Ра» или «Воплощение Ра». Известна пирамида Хафры – вторая по размерам после пирамиды Хуфу. Приписывают ему и сооружение сфинкса. Некоторые греческие историки утверждали, что лицо сфинкса – это лицо самого Хафры.

И. А. Ефремов изобразил Хафру очень непривлекательной личностью, намного хуже своего предшественника Джедефры. Но народного культа Джедефры никогда не было, а культ Хафры как бога просуществовал до конца Позднего царства, то есть до конца существования культурной традиции Древнего Египта. Это заставляет усомниться в оценках Ефремова, но он прав в том, что Баурджед был забыт напрочь, совершенно.

Причина проста: из 6–8 млн населения Египта грамотных людей в каждом поколении насчитывались сотни, одновременно во всем Египте жили от силы 1–1,5 тыс. знавших иероглифы египтян. Все, что мы называем «культурой Древнего Египта» – литература, научные тексты, статуи, начатки математики и астрономии, представления об окружающем мире, медицина, – все это создано такой ничтожной по численности группой образованных людей.

Много раз происходило одно и то же: во время эпидемии чумы, вражеского нашествия, голода погибали почти все, знавшие какую-то тайну и владевшие некой истиной. Ведь «знающих» могло быть буквально несколько человек.

Есть версия, что гибель минойской цивилизации после взрыва вулкана Санторин в 1580 г. до Р. Х. вызвана именно малочисленностью культурного слоя. Гигантское цунами высотой до 100 м не погубило все население острова Крит, но уничтожило те несколько сотен человек, которые владели письменностью и необходимыми знаниями. Оставшиеся в живых снова заселили морское побережье, но они не были грамотными и не владели культурными навыками представителей элитной субкультуры.

Эта версия заведомо неверна – известны минойские тексты, написанные после катастрофы. Но интересно то, что такая версия вообще могла появиться.

Как видно, расширение числа образованных людей, рост свода текстов, совершенствование средств передачи информации – такой же путь независимости от внешних условий, как и технологические революции, умножение аграрных ландшафтов, рост населения.

Рационализация культуры

Рационализация культуры проявляется в том, что все большее количество объектов, явлений и процессов начинают анализировать с позиций логики, здравого смысла, позитивного знания. Уходят в прошлое оценки традиционные, религиозные, которые человеку вменяют в обязанность принимать все без размышления. Рациональная оценка становится престижнее интуиции, обычая, следования культурной или религиозной традиции.

Эта тенденция тоже прослеживается абсолютно везде, во всех известных нам культурных традициях, более того – при столкновении различных культур резко возрастает значение вербально-логического. При разрыве культурной традиции во время нашествий и падений цивилизованных государств тем важнее и осмыслить причину катастрофы, и найти общие точки соприкосновения кардинально различных культур.

Существует гипотеза о том, что вся европейская цивилизация с ее уникальными характеристиками стала следствием падения Западной Римской империи и «наложения» доосевых культур варваров на христианскую римскую культуру (Аркадьев 1991).

Таким образом, рационализация культуры протекает независимо от смены культур в регионе, даже на фоне деградации материальной культуры и сокращения антропогенных ландшафтов.

Отметим два важнейших обстоятельства:

1. Все эмпирически наблюдаемые факторы действуют независимо от человеческой воли, от того, как их воспринимают люди, и от того, как выглядят эти законы в свете любых этических или религиозных представлений. В этом смысле данные направления в эволюции человеческих обществ настолько же «естественные», что и закономерности биологической или геологической эволюции.

2. Эти факторы действуют на любой территории, действительны для любого известного общества и продолжают действовать при смене культур.

Мне легко возразить, приведя два хорошо известных случая, казалось бы, опровергающих общую закономерность. Это случаи, когда на некоей территории развитие культуры доисторического времени не вышло за пределы доаграрного способа производства, то есть охоты и собирательства, и случаи «обрыва» поступательного развития.

Сложности первобытной истории

По мнению некоторых исследователей, первобытные общества могут пребывать в неизменном состоянии многие тысячелетия. Причем смена одних культур другими означает лишь смену культур, находящихся принципиально на том же уровне развития.

Но, во-первых, неизменность первобытной культуры в целом – совершеннейший миф. Свидетельствует об этом уже классическое и не оспариваемое никем разделение каменного века на эпохи различных технологий каменной индустрии: олдувай, нижний, средний и верхний па-

леолит, градации верхнего палеолита (ориньяк – солютре – мадлен – азиль).

Уважаемые коллеги спорят по поводу частностей: о том, какие именно технологические эпохи и их градации следует выделять и на каких территориях, но не о самом факте прогресса каменных индустрий.

Сквозное совершенствование технологии обработки камня явствует хотя бы из подсчетов Ф. Борда, показавшего, что в каменном веке постоянно происходит увеличение режущей поверхности на единицу веса камня, то есть все более рациональное использование исходного сырья (Елинек 1985).

Известны и такие факторы, как прерывание более сложной традиции, например, исчезновение традиции изготовления солютрейских наконечников или мадленских костяных гарпунов.

Известны и факторы «наложения» более примитивных культур на более совершенные. В этом смысле захват Европы неандертальцев популяциями ранних сапиенсов во многом аналогичен по смыслу захвату «варварами» территории Западной Римской империи, что тоже имело своим историческим итогом технологический прорыв – возникновение культуры верхнего палеолита (Вишняцкий 2008).

Во-вторых, изучать эволюцию отдельных первобытных культур и впрямь чрезвычайно трудно по ряду причин. Одна из них состоит в том, что проблемой никто не занимается. Но если удастся проследить эволюцию каменной индустрии отдельной культуры каменного века, то ее изменимость не вызывает никакого сомнения и может быть легко описана как в количественных, так и в качественных показателях (Буровский 1986).

Культуры «первобытной периферии», так называемой «синполитейной первобытности», существующей параллельно с цивилизованными обществами, во-первых, прослежены в основном в малонаселенных и малопригодных для жизни человека областях, в которые и были оттеснены носители доаграрных культур. Эти культуры пигмеев, бушменов, индейцев Северной и Южной Америки, арктических регионов могут показаться «неизменными» и «застойными». Но и это неверно по крайней мере по трем причинам.

Во-первых, территории, занятые доаграрными культурами, постоянно осваиваются культурами аграрными, в том числе путем вытеснения доаграрных культур или вместе с их носителями, или за счет освоения ими аграрных культур.

В X–XVIII вв. (частично уже на глазах европейцев) скотоводческо-земледельческие племена банту в Южной Африке вытеснили охотников-бушменов практически из всех регионов, где вообще возможно земледелие и скотоводство.

Арии в Северной Индии, дравиды в Южной Индии сделали почти то же самое. Даже если бы в Индии не появились английские колонизаторы, доаграрные культуры мунда и австралоидов в XVIII–XIX вв. доживали

последние столетия, а быть может, и десятилетия своего исторического бытия. Перспективы только две – полная ассимиляция (причем в составе низших каст) или освоение аграрных культур. Тот же процесс шел в Южной Америке, хотя и не на всей ее территории.

Во-вторых, регионы, в которых земледелие невозможно по климатическим причинам (в основном пустыни, дождевые леса и районы Крайнего Севера), тоже осваиваются, хотя и позже, и не аграрной, а техногенной промышленной цивилизацией, и становятся ее периферией. Историческая перспектива даже для коренного населения дождевых лесов Африки и Крайнего Севера весьма благоприятная: вступление в цивилизованный мир, доступ к его благам, включая образование, научную медицину, товарно-денежные отношения.

В-третьих, культуры синполитейной первобытности кажутся крайне застойными и даже неподвижными только в сравнении с более развитыми обществами. Немногочисленные общества севера Сибири и Северной Америки в XVIII–XIX вв. создавали свои системы иероглифической письменности.

За 400 лет, в течение которых европейцам стало известно о существовании Австралии, в Европе и во всем мире, который принято называть цивилизованным, произошли колоссальные изменения – и технологические, и политические, и духовные. На этом фоне история аборигенов Австралии действительно может показаться «неизменной». Но и за это время произошли изменения в технологии изготовления орудий и в технологиях проведения охоты, по крайней мере у некоторых племен (Элькин 1952; Роуз 1989).

Таким образом, в синполитейной первобытности мы наблюдаем не отсутствие развития, а крайне замедленное развитие в сравнении с более развитыми обществами. Возможно, общества синполитейной первобытности развивались даже быстрее обществ VI–X тыс. до Р. Х. и тем более быстрее палеолитических. Мы просто не умеем фиксировать, а главное – справедливо оценивать их достижения. Ведь уже при изучении неолита и тем более верхнего палеолита 200–400 лет – очень незначительный срок. Исследователь дополитейной первобытности наблюдает изменения, происходящие за значительно бóльшие сроки.

Случаи прогресса и регресса

Конечно, история знает множество возвратных движений, разрывов, остановок развития в тех или иных регионах. Но из этого следует ровно то, что любое эволюционное движение происходит скорее дискретно, чем линейно.

Примеров множество. Полудикие дорийцы, не знавшие письменности, заняли города более цивилизованных ахейцев, погрузив Грецию в полутысячелетний упадок. Вавилонию захватили диковатые гуттии, а Египет – кочевые племена гиксосов. Варварские племена германцев и сарматов смогли завоевать Западную Римскую империю, а та оказалась не в состоянии оказать эффективное сопротивление.

Но во всех этих случаях получается, что по крайней мере в одном отношении «варвары» имели решающее преимущество перед цивилизованным обществом. Историки, если не считать аргументом туманные ссылки на Господню волю и на «историческую необходимость», не в силах дать внятное объяснение, в чем же именно оно состояло. Самые реалистичные аргументы отыскиваются не в силе завоевателей, а в ослаблении цивилизованного общества.

Действительно, индская цивилизация к моменту появления в Индии ариев находилась в состоянии прогрессирующего экологического кризиса. Римская империя III–V вв. распадалась независимо от внешних нашествий.

И все же стоит поискать хоть какие-то преимущества варваров, например, способность сконцентрировать силы для решающего рывка.

Само понятие регресса, остановки в развитии нуждается в уточнении. Во-первых, всякая примитивная культура, сменившая более высокую в любом из регионов Земли, в той или иной форме сливается с ней, во-вторых, дочерняя культура начинает развиваться по тем же законам и в тех же направлениях, что и ее предшественница, и чаще всего быстро ее превосходит.

Регресс очевиден, если брать непосредственные последствия завоевания, и в самые короткие сроки. В VII в. население в Европе было малочисленнее, структура его примитивнее, земледелие архаичнее, орудия труда грубее, чем в I–III вв., площадь антропогенных ландшафтов сократилась. Рафинированная, высокорелефлексивная христианская культура поздней Римской империи оказывается в колоссальной степени «разбавлена» доосевой культурой первобытных людей. Грамотных и образованных жителей стало меньше, многие тексты утеряны, в лучшем случае используются намного более узким кругом лиц.

Но в исторической перспективе все намного оптимистичнее. В XI в. европейская цивилизация не только восстанавливает достижения Римской цивилизации, но и начинает делать все более широкие шаги по пути несомненного прогресса. Происходит стремительное совершенствование орудий производства, рост антропогенных ландшафтов и численности населения. Так же точно происходит усложнение средств передачи информации – появляются знаки препинания, чтение про себя.

Существует еще одна закономерность всемирной истории, о которой резонно говорить особо. Помимо того, что это тоже глобальная закономерность, она напрямую связана с тем, как люди воспринимают историю «своего» народа и государства, историю в целом.

Все крупнее

Факты можно игнорировать или подгонять под любую схему.

К. Поннер

Хорошо известно, что на протяжении всей истории человечества постоянно увеличивается размер и культурно-исторических регионов, и госу-

дарств. На территории современной Франции в донеолитическую эпоху обитали тысячи, быть может, десятки тысяч разрозненных родовых коллективов – каждый со своей территорией, языком и культурой. В эпоху аграрных культур ту же территорию населяют десятки все более консолидирующихся племен. В перспективе же Галлия становится частью огромной Римской империи, а вскоре и частью христианского мира – культурно-исторического региона, охватывающего всю Европу, Северную Африку и Передний Восток (по крайней мере, до Персии), уже независимо от того, входят ли они в единое государство.

И так происходило везде. Уже карликовые «номовые» государства всех регионов Древнего Востока кажутся огромными в сравнении с ареалами отдельных аграрных, а тем более доаграрных обществ.

«Номовые» государства сменяются централизованными мощными государствами типа Вавилонии или Египта на западе Евразии, небольшим числом «царств» Китая эпохи Чжоу, а затем централизованными империями Цинь и Хань на Востоке.

Эллинистический мир и Римская империя охватывают еще более значительные территории. Средневековая Ойкумена Евразии представлена всего несколькими цивилизациями: китайской, индусской, мусульманской, христианской. Естественно, внутренняя структура каждого такого мира далеко не гомогенна, за границами цивилизаций оказывается множество локальных доосевых культурно-исторических миров. Но именно немногочисленные мощные цивилизации играют определяющую роль как в военно-политическом, так и в культурогенетическом смысле.

Во всех регионах мира, включая обе Америки и Африку, хотя и в разное время и с разными темпами, происходит принципиально тот же самый процесс укрупнения и государств, и культурно-исторических регионов.

Векторы духовной культуры

Происходит борьба за локальную гегемонию, затем устанавливаются более стабильные централизованные государства, и эти политические процессы сопровождаются унификацией культуры: принятием в качестве общего одного из региональных языков, доминированием общего пласта культуры и т. д. В этих мировых, а точнее региональных, империях происходит духовная революция VIII–III вв. до Р. Х., названная К. Ясперсом осевым временем (Ясперс 1991). Осевое время наступило независимо и в практически сопоставимые сроки в Средиземноморье, на Индийском субконтиненте и в Китае. То есть его наступление не было инспирировано из одного центра. Остается признать духовную революцию естественным следствием социально-политических процессов, единых по смыслу в разных регионах.

Ни народы периферии Евразии, ни народы вне Евразии до эпохи колониализма не знали осевого времени. Но более чем вероятно, что если бы автохтонное развитие народов мировой периферии не стало нарушаться, возникли бы и более значительные государственные образования, произошла адекватная новой ситуации духовная революция.

Мир-системный подход

Этот рост «территории единства» происходит и для экономических сообществ, о чем свидетельствуют и эмпирически наблюдаемые феномены, и весь опыт мир-системного анализа.

Мир-система – система обществ, объединенных тесными экономическими связями, но не объединенных в единое политическое образование. Мир-экономика существует поверх политических, культурных и религиозных границ. По словам Ф. Броделя, государство может быть сильнее общества, «но не сильнее экономики» (Бродель 2006: 8). Мир-система космополитична.

И. Валлерстайн разделял мир-системы на мини-системы, характерные для первобытных обществ и основанные на взаимобмене, а также на мир-экономики и мир-империи, характерные для исторически более поздних аграрных обществ (Валлерстайн 2001). Согласно Валлерстайну и Броделю, современная глобальная мир-система зародилась в так называемом «долгом XVI веке» (приблизительно 1450–1650 гг.) и к началу XX в. поглотила весь мир (Гринин 2011).

Мир-система пространственно ограничена. Границу между мир-экономикой не запрещено пересекать, но делать это экономически невыгодно. Ф. Бродель считал, что мир-экономика в целом были стабильны до конца XV в., когда «Европа передвинула свои границы» и приступила к покорению остального мира.

Каждая мир-экономика имеет свой центр. Этот центр всегда космополитичен: торговля связывает воедино регионы с разными культурами. Это требует допущения политических и религиозных свобод, невозможных в других зонах. Одновременно для столицы характерны резкое социальное расслоение и дороговизна жизни.

Пространство мир-экономики делится на несколько иерархически сопряженных зон. «В пространстве обрисовывается по меньшей мере три ареала, три категории: узкий центр, второстепенные, довольно развитые области и в завершение всего огромные внешние окраины <...> Центр, так сказать, “сердце”, соединяет все самое передовое и самое разнообразное, что только существует. Следующее звено располагает лишь частью таких преимуществ, хотя и пользуется какой-то их долей: это зона “блистательных вторых”. Громадная же периферия с ее редким населением представляет, напротив, архаичность, отставание, легкую возможность эксплуатации со стороны других» (Бродель 2006: 17–18).

Как эмпирический факт следует признать, что во всех регионах земного шара исторический процесс двигался по нескольким сопряженным направлениям: формирование все более крупных государств; возникновение общих культур, охватывающих все более широкие географические пространства; увеличение масштабов экономических объединений – мир-систем.

Формационный подход

Хотя история не имеет целей, мы можем навязать ей свои цели, и хотя история не имеет смысла, мы можем придать ей смысл.

К. Поннер

Идея принципиального единства человечества естественным образом ведет к концепции социально-экономических формаций, то есть стадий экономического, социального и политического роста, которые проходили все общества Земли.

Теория красивая, она подтверждается множеством фактов. Самая разработанная формационная концепция – у К. Маркса. Сложность в том, что ни создателю этой концепции, ни его последователям не удается найти по-настоящему универсальные «формации» и «стадии».

Начать стоит с того, что сам Маркс полагал большую часть человечества «неисторической» – в полном соответствии с тем, чему учил его учитель Г. В. Ф. Гегель. А Гегель ясно писал, что есть народы «исторические» и «неисторические», что «неисторические» народы могут играть в истории только одну роль – рабов, в лучшем случае помощников народов «исторических».

И потому, с точки зрения основоположника марксизма, до мировой революции не может идти и речи об освобождении колониально зависимых стран. Страны эти «неисторические», отсталые, в них нет ни «нормальной» буржуазии, ни «качественного» сформировавшегося пролетариата, а значит, и к революции они не способны.

Только когда в Европе, в «центре мира», восстанет пролетариат и начнет строить счастливое коммунистическое «далеко», он сможет освободить и эти неисторические неевропейские народы, помочь им преодолеть историческую отсталость. Если читатель думает, что я преувеличиваю, отсылаю его к статьям К. Маркса и Ф. Энгельса, посвященным как раз колониализму (Маркс, Энгельс 1976).

«Манифест коммунистической партии» не писался ни для китайцев, ни для индусов – только для белых!

Все формационные модели К. Маркса построены на примере обществ достаточно локальных: античного, средневекового и нововременного европейского – и только. Даже общества Восточной Европы и Византии – за пределами дискурса. Реальным универсализмом, синтезом разных региональных моделей развития здесь и не пахнет.

Для большей части обществ, существовавших на Земле, К. Маркс ввел понятие азиатского способа производства – формации, существующей параллельно с рабовладельческой и феодальной.

Даже принимая формационную модель К. Маркса, его вольные и невольные последователи вели бесконечные споры о том, к какой формации относить самые различные общества – от шумерского до древнерусского (Струве 1941; Фроянов 1974).

Справедливо считая азиатский способ производства попыткой исключить большую часть человечества из универсальной модели, советские исследователи не могли критиковать сам этот способ производства, но постоянно оговаривали, что к объекту именно их изучения он не имеет отношения. Яркий пример – книга Г. М. Бонгард-Левина и Г. Ф. Ильина, где обосновывается мысль: в Древней Индии не было азиатского способа производства, а был рабовладельческий строй (Бонгард-Левин, Ильин 1969). В более поздних изданиях Григория Максимовича эта полемика исчезает (Бонгард-Левин 2001; 2003).

Парадокс: советские историки сделались намного большими глобалистами, чем К. Маркс. Опираясь на его же формационную схему, они постоянно «находили» рабовладельческий и феодальный строй там, где его вовсе не видел их отец-основатель.

Эти формации в советское время «обнаруживали» по всему миру, но при ближайшем рассмотрении всегда выяснялось, что и с рабовладельческим строем, и с феодальным все не так очевидно.

Советские историки потратили немало чернил, обосновывая «рабовладельческий строй» в Вавилонии, но они же вынуждены были писать о том, что основной ячейкой производства на всем протяжении истории Междуречья со времен Шумера до эллинистической эпохи оставались крестьянское хозяйство и объединения таких хозяйств в общины (История... 1983).

Го Можо «обнаружил» в Китае классический рабовладельческий строй по античному образцу. Но описание массового захоронения у Го Можо не оставляет сомнений ни у историков, ни у археологов – хоронили не рабов вместе с хозяином, а приближенных вождя вместе с вождем (Го Можо 1959). Это явление первобытной истории, а не рабовладельческого строя. Кстати, рабов с хозяином в классическое античное время отнюдь не хоронили – это была слишком ценная собственность.

Феодализм, строго говоря, – система условного держания земли, при котором частная собственность на землю практически не существует. Эта система существовала и дожила до сравнительно поздних времен. В Испании XVI столетия она превратилась в тормоз экономического развития, не позволяя вкладывать в землю капиталы, привезенные из Америки, и тем самым делая Испанию «жертвой» хлынувшего в нее богатства: золото и серебро уплывали в Голландию и Англию (Манькин 2004).

Но даже в эпоху классического феодализма XI–XIV вв. в ряде стран Европы частная собственность на землю была основной формой собственности. И не только в Италии, но и в Англии, и даже в Скандинавии.

Частная собственность на землю в Господине Великом Новгороде и в Господине Великом Пскове была обычнейшим правовым и экономическим институтом. Тем более частная собственность на землю существовала в Византии, на мусульманском Востоке и в Китае.

Общества кочевого скотоводства вообще с трудом описываются в категориях, разработанных для оседлых земледельческих обществ. Туман-

ные рассуждения о том, что собственность феодалов на скот предполагала и собственность на пастбища, не подтверждаются никакими источниками и вызывают удивление у представителей кочевых в недавнем прошлом обществ.

В результате советским историкам приходилось вести продолжительную полемику о «кочевом феодализме» (Крадин 1987), о «характере феодализма» в Византии (Кулаковский 2003; Успенский 2011–2012; Васильев 2000) или о специфике феодальных отношений на Руси (Греков 1934; Тихомиров 1975; Фроянов 2012).

Схема стадий экономического роста У. Ростоу и научнее, и нравственно более приемлема (Ростоу 1961). Она отвечает более современным представлениям об истории, в том числе и представлениям о единстве человечества. У. Ростоу не исключает из истории 90 % живущих на Земле людей.

Не случайно Ростоу гордо снабжает свою книгу подзаголовком «Некоммунистический манифест». Книга и впрямь последовательно антимарксистская, но написана она именно в порядке полемики с К. Марксом. Принципиально это такая же глобалистская схема, и стадии экономического роста Ростоу не что иное, как те самые «формации», только лишённые безумных идей классовой борьбы и прочего политического сюрреализма.

Главная проблема при попытке использовать схему У. Ростоу почти такова же, как при попытке уяснить историю разных обществ через схему К. Маркса: каждая из его «стадий» так необъятна, так огромна, что в нее «умещаются» слишком различные общества.

Во-первых, эти общества даже экономически крайне различны. В число аграрных обществ входят и мотыжные земледельцы Переднего Востока VIII–VII тыс. до Р. Х., не знавшие государства и городской цивилизации (Чайлд 1956; Мелларт 1982), и пашенные земледельцы Переднего Востока и Турции XVIII в. Аграрная стадия явно нуждается в дроблении, во введении более мелких таксонов, во внутренней периодизации.

В наименьшей степени это касается и индустриальной стадии. Европейские общества XIX в., японское корпоративное общество, «молодые тигры» Юго-Восточной Азии второй половины XX столетия... Все это общества индустриальной стадии развития.

Разные человечества

Конечно, каждое из существовавших когда-то на Земле обществ – это сообщество антропоидов, представителей одного биологического вида. Уже в силу этих биологических, эволюционных факторов логично исходить из принципиального единства человечества, из хотя бы теоретической возможности единых для всех цивилизаций исторических целей.

Но в той же степени эмпирически очевидно, что все региональные цивилизации самобытны и с трудом сопоставимы.

Собственно говоря, до сих пор неизвестно, существует ли на Земле единая цивилизация, представленная множеством локальных вариантов, или же цивилизаций много, причем каждая имеет собственные закономерности и направление развития, фактически – свою самостоятельную историю. Каждое из этих положений подтверждается фактами, имеет своих авторитетных сторонников и вполне доказуемо.

Изучая категории средневековой культуры, А. Я. Гуревич убедительно показал, что они разительно отличаются от категорий, в которых осмысливал действительность европеец более позднего времени (Гуревич 1972).

Вот яркий пример: все группы служилых людей раннего Средневековья воспринимались современниками именно как разные и несопоставимые общественные классы. Ни каждая из них по отдельности, ни все они суммарно не соответствовали гораздо более позднему термину «дворянство». Относя термин «дворянство» к этим раннесредневековым группировкам, современный исследователь просто навязывает реальности свои профессиональные и культурные установки.

Кстати, и русское дворянство не тождественно ни раннесредневековым боярам и дружинникам Руси, ни европейским «нобилитету», «эггеленте», «ярлам» или «риттерам»-«шевалье».

Еще в большей степени различаются категории культуры различных цивилизаций, даже существующих одновременно.

Важнейшие категории конфуцианской этики часто переводятся достаточно просто: *чжун* – «преданность», *жэнь* – «милосердие» или «гуманность», *и* – «правда» или «справедливость», *чжи* – «здравый смысл», «благоразумие», «мудрость» или «рассудительность». Но всякая попытка проникнуть в содержание этих категорий потребует весьма многословных и сложных конструкций, в ходе которых становится предельно ясно: ни одна из категорий традиционной китайской культуры не может быть однозначно переведена как аналогичная любой из европейских. Для простого понимания, о чем вообще идет речь, придется потратить по крайней мере несколько абзацев.

Так же различны социальная стратификация и государственные институты каждой культуры. Китайские *шэньши* – общественный слой, который никак не тождествен ни дворянству, ни духовенству, ни интеллигенции любой из европейских стран. Своими отдельными чертами шэньши могут напоминать и одних, и других, и третьих, но именно только напоминать. С тем же успехом дворянство или образованное чиновничество Византии может у китайца ассоциироваться с шэньши (Сидихменов 1987; Буровский 1992).

Так же трудно описать историю Китая в категориях, типичных для европейской науки. Даже монархические историки XVIII–XIX вв., придававшие огромное значение деятельности «выдающихся личностей», встали в тупик: «выдающиеся личности» китайской истории осмысливали свою деятельность в понятиях своей цивилизации, стремились к достиже-

нию целей, которые могут показаться европейцу полнейшим безумием: например, они считали крайне важным вопрос, имеет ли новая династия императоров «мандат Неба» или следует ли данный император и царедворец принципу «синь».

Тем более что европейская история и история Китая явно не проходят одни и те же стадии развития. «Железная революция» и переход к пашенному земледелию не привел Китай к взлету цивилизации: вырубая леса на Лёссовом плато, китайцы вызвали невиданный размах эрозии. Распахивать земли вне речных долин и Великой китайской равнины не получилось (Кульпин 1990).

Естественно, линейная история Европы с ее несомненным прогрессом как производства, так и социально-политических форм очень мало похожа на цикличную историю «ресурснедедостаточного» китайского общества (Там же) с его реципрокностью и редистрибутивностью (Васильев 1993: 6).

С точки зрения европейца, здесь многое не только нелепо, но и просто абсурдно. С эпохи Хань (III в. до Р. Х.) происходят рост населения и рост пространств осваиваемых земель (прерываемые в эпохи междинастических смут). Происходит усложнение общества, развитие культуры во всех ее аспектах... А одновременно мотыжное ручное земледелие все более вытесняет пашенное земледелие. Число сельскохозяйственных животных уменьшается, как и их роль в обработке земли и ведении сельскохозяйственных работ.

Все логично: земледелие интенсифицируется за счет кропотливого мотыжного труда, пастбища распахиваются и превращаются в поля, животных становится нечем кормить, тем более невозможно прикармливать лошадей зерном, столь необходимым для людей. Но эта логика, как и ход исторических событий, предельно далеки от происходящего на западе Евразии – и в христианской, и в мусульманской цивилизациях.

Китаец вполне мотивированно видит в своей истории не движение вперед и вверх, а повторение одних и тех же циклов. Начало правления каждой династии – период стабильности, процветания и порядка. Каждая новая династия провозглашала идеал возвращения к «древней гармонии», стремилась восстановить то, что было потеряно. Восстановленное, разумеется, никогда не было тождественно прежнему. Каждая династия все равно делала что-то свое, ее политика во многом была уникальной.

Но неизменно воспроизводилась гипертрофированная роль государства. Неизменно 90 % крестьян трудились именно на полях, выращивая зерновые. По тем же принципам формировался правящий слой: не аристократы и не воины, а квалифицированные чиновники. Так же общество стремилось воспроизвести раз и навсегда заданные правила своего существования, а государство стремилось организовывать и контролировать все на свете.

«Хорошее правление» вело к подъему экономики и общественной жизни. Постепенно нравы портились, то есть государство ослабевало. Оно ослабевало потому, что при стабильной власти и экономическом росте

пусть медленно, но неизменно поднимались люди неслужилые и неподатные, не работники и не слуги императора.

Группы «не-слуг» и «не-работников» могли быть разными. Поднимались «сильные дома» крупных землевладельцев, богатые торговцы навязывали государству свои интересы, близкие ко двору люди начинали пренебрегать своими обязанностями и использовали государство для личного обогащения. В любом случае портился механизм, обеспечивавший экономическую и общественную жизнь.

Династия рушилась, страна впадала в более или менее длительный хаос... Между династиями царили разруха, развал и еще более страшный хаос.

Каждый период хаоса – время гибели множества людей.

Выходом из хаоса неизменно становилась новая династия, которая восстанавливала «добрые нравы» и воспроизводила модель – всевластие государства в жизни человеческого муравейника, копошащегося на рисовых полях.

Новая династия легко могла накормить уцелевших и их потомков – на человека приходилось больше земли. Человек становился более ценен: шел подъем – осваивались новые земли и повторно поднимались заброшенные во время смуты, вводились новые технические достижения, создавались новые каналы и дороги.

Население росло и не могло прокормиться естественным образом даже при всех достижениях новой династии. Налоги приходилось повышать, крестьянские надельные земли уменьшались, росло число голодных и безземельных. Все больше людей шли в «разбойники», то есть оказывались вне всякой экономической системы, обрекаясь на жизнь повстанца. Они или уходили на окраины страны, где вели жалкую жизнь на грани физического существования, или восставали.

Поэтому китаец вполне мотивированно видел в своей истории не движение вперед, а повторение одного и того же, причем по вполне понятным правилам.

То есть при желании можно, конечно, найти что угодно и где угодно. Н. Н. Конрад нашел в Китае эпоху разложения рабовладельческого строя, Средневековье и даже Возрождение (Конрад 1972). Но всякому непредубежденному читателю хорошо видно, как выборочно приводит факты Н. Н. Конрад. По сути, Николай Николаевич просто подгоняет под марксистскую схему явление, которого в Европе просто нет, – крушение одной династии и утверждение новой.

Что это доказывает? Только одно: и категории культуры, и социальная стратификация, и даже ход событийной истории в каждой цивилизации самобытны и малосопоставимы. Это относится не только к европейской и китайской цивилизациям. Точно так же и с тем же успехом можно сопоставить, скажем, цивилизацию майя и мусульманскую цивилизацию. Эффект будет тот же.

Понимание этих различий и заставляет историков крайне пессимистически относиться к глобальным построениям, делает их «регионали-

стами». Н. Я. Данилевский (2008) еще в 1869 г. первым заговорил о том, что цивилизации не имеют между собой ничего общего.

Вслед за ним Арнольд Тойнби (1991), Отто Шпенглер (1998), Лев Николаевич Гумилев (1989) практически отрицают существование единой мировой цивилизации. Они видят глобальную историю как сумму региональных историй отдельных цивилизаций (Данилевский, Тойнби, Шпенглер) или «этносов» (Гумилев).

Но ведь глобальные истории давно написаны!
Написаны... но глобальные ли они?

История написания истории

Они полагают, что понимают и знают,
чего Он желает, когда приписывают Ему свои
ничтожные исторические интерпретации!

К. Поннер

Действительно, с античной эпохи до XX в. регулярно пишутся «всемирные» истории. Все замечательно, но все они в действительности являются в самом лучшем случае региональными, если не сказать провинциальными. В конце концов уже Полибий, а вслед за ним Николай Дамасский и Диодор Сицилийский посягнули написать всемирную историю (Полибий 1994–1995). Естественно, Полибий писал историю **своего** мира. Этот мир возник буквально на его глазах – Средиземноморье и Передний Восток оказались под гегемонией Рима. «Раньше события на земле совершались как бы разрозненно, ибо каждое из них имело свое особое место, особые цели и конец. Начиная же с этого времени история становится как бы одним целым, события Италии и Ливии переплетаются с азиатскими и эллинскими и все сводятся к одному концу» (Там же).

Сложность в том, что, по мнению Полибия, «почти весь известный мир подпал единой власти римлян в течение неполных 53 лет» (Там же). Для римлян и эллинов его глухо провинциальная история действительно была мировой. Но этот известный Полибию мир – только крохотная часть земного шара.

Точно таковы же и всемирные истории Нового времени и XIX в., и такими же они являются до сих пор. «Всеобщая история» О. Егера (1894) не в большей степени «всеобщая», чем история Полибия. К концу XIX в. земной шар практически полностью открыт, известен, лишен белых пятен. Но и Егер пишет вовсе не всемирную историю. Он называет всеобщей историю европейских народов: их войн, их экспансии, их государственного и культурного развития.

Народы неевропейского мира по большей части вообще не упоминаются. Если упоминания не избежать, то неевропейские цивилизации оказываются или в роли пассивных объектов, подлежащих цивилизаторским заботам, или выступают как лютые враги «цивилизации», чей натиск разбивается о границы «цивилизованного мира».

Любопытный момент: описывая осаду Вены турками в 1529 и 1683 гг., он упоминает «ливень стрел», посылаемых ими поверх стен города, и не говорит ни слова об артиллерийском огне из турецкого лагеря. Причем если во время осады 1529 г. много орудий пришлось бросить – дороги развезло из-за необычно сильных и ранних дождей, то в 1683 г. по стенам Вены вели огонь 300 турецких орудий. Все они были захвачены австрийскими и польскими войсками. В 1711 г. для собора Святого Стефана в Вене из металла трофейных турецких пушек отлили колокол Пуммерин диаметром 316 см, весом 22,5 т. Так что не знать о турецкой артиллерии О. Егер не мог. Он мог не хотеть про нее знать.

«Всемирные истории» и Полибия, и О. Егера следует назвать на самом деле «этническими» или «цивилизационными»: это описание глобальных событий с позиции одной этнической культуры или нескольких родственных культур. И для Полибия, и для О. Егера мир, лежащий за географическими границами «их» мира и за культурно-историческими границами «их» этносов, не важен и не интересен.

Полибию нравятся римляне, и он пытается убедить остальных греков принять их и полюбить. Но его совершенно не интересует мнение фракийцев или гармантов о римском владычестве. Точно так же и для О. Егера турки – это только «дикари», сугубо внешний фактор его «всемирной» истории.

В этом отношении оба эти автора очень напоминают сибирских казаков XVII–XVIII вв., для которых якутские тойоны и эвенкийские шаманы были «князьями», в социальном смысле тождественными «настоящим» русским князьям, только с меньшим объемом власти, откуда и уменьшительное название. Точно так же и для испанских конкистадоров индейские кацики, племенные вожди или знать наподобие патриархальной знати Древнего Востока становились «благородными идалго».

Русские казаки делали «князьцов» «служилыми людьми», порой к их большому изумлению. Конкистадоры распространяли на «мексиканских идалго» совершенно непостижимые для кациков нормы рыцарской жизни...

Получается, что установки и системы ценностей историков, во-первых, очень мало изменились за 2 тысячи лет. О. Егер не пошел дальше Полибия. Во-вторых, установки историков – лишь отражения общих представлений о мироустройстве. Интеллектуал Егер мыслит точно так же, как «дикие» казаки и грубые, жестокие конкистадоры.

Но так же действуют и историки конца XX в.!

Н. Н. Конрад – только наиболее яркий пример того, как глобальный процесс осмысливается в категориях, «родных» лишь для одного из регионов. М. Ферро (1992) прекрасно показал, как преподавание истории зависит от культурно-исторической принадлежности.

Труды по всемирной истории, выпущенные в США, уже трактуют мировую историю и события решительно во всех странах с позиций фун-

даментальных ценностей американской цивилизации, порой сильно отличающихся от системы ценностей европейцев.

Ладно, это пример «других европейцев»... Но ведь историки неевропейского мира поступают точно так же – пишут всемирные истории с позиций своих родных культур.

Индусские историки с 1940-х гг. пытаются воспроизвести европейские образцы (Неру 1975) или пересматривают представления европейцев об истории их субконтинента (Алаев 1971: 254). Остается подождать, когда же история Европы будет исследована с позиций торжества принципа ахимсы и следования культа Вишну и Парвати. В конце концов, нравственные ценности индуизма представляются индусам столь же важными, сколь европейцам – частная собственность и гражданские свободы.

В начале 1990-х гг. была написана мировая история с позиций фундаментальных ценностей народа Сомали*.

Наверняка можно привести и другие примеры. Возможно, они известны читателям этой статьи.

Приходится признать, что современный мир не очень готов к осознанию глобализма мировой цивилизации и к созданию объективных всемирных историй. Цивилизованные европейцы и американцы поступают точно так же, как исследователи из Сомали. Современники космических путешествий осмысливают мировую историю на уровне современников Полибия.

Парадокс: мировая цивилизация есть, и общие закономерности развития всех обществ Земли тоже имеются. Отразить же свершившийся и эмпирически явный факт мы не можем... Но, может быть, дело в том, как устроена современная мировая цивилизация?

Современная мировая цивилизация и безнадежность «всемирного»

С исторической точки зрения наше открытое общество – лучшее и справедливейшее из всех донныне существовавших.

К. Поннер

В точности так же, как и во времена Римской империи, сегодня разные народы и государства играют в мировом сообществе чрезвычайно неодинаковую роль. Сторонник либеральных ценностей и прав человека поморщится: неужели мне неизвестно, что люди равны независимо от цвета кожи и родного языка?! Известно. Но мне также известно, что именно английский язык признан в качестве международного, а не суахили и даже не русский. Мне также известно, что владеющие международным языком как родным имеют в современном мире немалое преимущество. Оно сравнимо разве что с преимуществами людей, которые жили в Римской империи и владели эллинским и латынью как родными языками.

* За это интереснейшее сообщение я благодарю И. Н. Иомина.

Мир-Система многонациональна и многокультурна. Она имеет свою периферию и свой центр. «Центр» совершенно необязательно довлеет над периферией силой военного присутствия. Еще более необязательно центру находиться в географическом центре территории. В Александрии в эпоху Флавиев жили эллины, арамеи, египтяне. Те, кто владел эллинским языком, входил в центр эллинистической цивилизации, в ее этнокультурное ядро, не владевшие им – не входили. Независимо от своих личных качеств они не участвовали в основных культурогенетических процессах. Точно так же в современной земшарной Мир-Системе присутствуют африканские народы хауса и тутси. Англичане и американцы входят в культурное ядро современной Мир-Системы, хауса и тутси находятся на ее дальней периферии.

Если история региональной цивилизации – это история ее центра, а периферия просто не имеет значения, тогда Полибий вполне справился с задачей написания всемирной истории.

Если история современной мировой цивилизации может быть сведена к истории ее этнокультурного центра, то наши претензии и к О. Егеру, и к историкам Сомали совершенно излишни.

Конечно, масштабы изменяются. Фукидид при всех его достоинствах был не столько историком эллинским, сколько историком Аттики. Полибий осознавал себя даже не просто эллином, а эллином имперским, эллином – другом римлян.

В Средние века Беда Достопочтенный писал «Церковную историю народа англвов», Видукинд Корвейский – «Деяния саксов» (Видукинд Корвейский 1975).

В конце Средних веков и в Новое время появляются историки, способные охватить весь регион Западной и Центральной Европы.

В наше время, садясь за написание «Всемирной истории», историк осознает себя в несравненно большей степени европейцем, нежели англичанином или немцем. Тем более он не осознает себя жителем в первую очередь Ланкашира или Баварии.

Но отнестись ко всему человечеству одинаково и современный историк по-прежнему не в состоянии. Только не надо обвинять историков в европоцентризме: неевропейские историки поступают точно так же. Если индусская культура или культура Сомали начнет доминировать в мировой Мир-Системе, мы получим еще более уродливые всемирные истории, чем написанные европейцами.

Достижимы ли вообще «общемировая» позиция историка, его объективный взгляд на все культуры и цивилизации Земли как в равной степени на «свое»? Если это достижимо – то как?

Попытка выхода

Посмей быть мудрым!
И. Кант

Для написания истинно мировой истории необходимо, во-первых, отнестись к разным цивилизациям взвешенно и «одинаково», то есть выйти за

пределы собственных национальных, региональных, культурных, религиозных, цивилизационных оценок и предпочтений, фактически – из своей системы ценностей. То есть необходимо осознать себя не русским (поляком, китайцем, американцем, бенгали... нужно вставить), а землянином, представителем цивилизации антропоидов или хотя бы одной из цивилизаций антропоидов. Оценки же своей собственной культуры считать попросту своим частным делом, которое не должно влиять на результаты исследования.

Во-вторых, необходимо найти точку отсчета, которая позволит исходить из общих, интегрирующих сторон жизнедеятельности и эволюции любого из обществ. Увидеть все регионы и этносы, не разделяя на «своих» и «чужих», не давая никаких оценок, по существу означает оказаться «снаружи» человеческого сообщества.

Собственно говоря, давно известна философия, позволяющая совершать такого рода мыслительные операции. Это концепция биосферы и перехода ее в ноосферу В. И. Вернадского (1988; 2012). Человечество, согласно такой концепции, – мыслящее вещество, естественный продукт глобальной эволюции и неотъемлемая часть структуры земного шара. Мыслящее вещество несравненно сложнее, чем неживое и живое, но к нему вполне применим подход, который Н. Н. Моисеев назвал физикалистским (Моисеев 1988).

Рассматривая человека и человечество, в том числе свою собственную цивилизацию, как естественно-научный объект, сам исследователь до известной степени «выходит из человечества». Становятся непринципиальными культурные и нравственные ценности как самого исследователя, так и сравниваемых им цивилизаций. Описывать их можно, но использовать для сравнения и оценки особого смысла не имеет.

Описанию, учету и сопоставлению подлежат только физикалистские проявления общественной жизни, то есть функционирование и развитие данного общества как части мыслящего вещества и его взаимодействие с живым и неживым веществом.

Разумеется, этот подход легко объявить неким достижением именно европейской цивилизации, а саму ценность объективации и верификации – ее ценностями. Тем не менее на этом пути открывается возможность действительно объективных оценок и сравнений обществ как естественно-научных объектов.

Любое общество может быть рассмотрено, проанализировано и сравнено с другими как ландшафтообразующий элемент, как часть геологической истории Земли, как энергетическая система, которая организует превращение солнечной энергии в ее земные виды, дальнейшую трансформацию и аккумуляцию этой энергии.

Реализуя идею физикалистского подхода к истории, автор составил некую предварительную систему описания, позволяющую, во-первых, увидеть любое общество «извне», вне зависимости от системы изучаемых и сравниваемых ценностей и от системы ценностей исследователя; во-

вторых, сопоставлять любые общества, этносы и культуры на максимально объективной основе, объясняя преимущества и доминирование одних культур над другими естественными причинами, а не случайными совпадениями, личными качествами вождей, классовой борьбой или исторической необходимостью.

Автора исторического дискурса могут восхищать мужественные, порой героические усилия испанских конкистадоров в Америке, открывавших и завоевывавших новые земли с невероятным риском для жизни. Восхищение их действиями типично для европейской культуры XVI – середины XX в. Яркими примерами служат отношение к ним С. Цвейга, полагавшего открытие Тихого океана Нуньесом де Бальбоа одним из «звездных часов человечества» и воспевавшего подвиги Америго Веспуччи (Цвейг 1963), а также образы героев романов Валентина Каверина (1940).

При этом акт завоевания территорий, жители которых отнюдь не звали к себе колонизаторов, рассматривается как прогрессивное действие, а аморальность этого действия и сопровождающая его жестокость игнорируются.

Современный ученый скорее отметит как курьез столкновение культур, явно принадлежащих разным эпохам, как, например, В. Гуляев, полагавший встречу Монтесумы и Кортеса такой же невероятной, как «встречу Гильгамеша с Иваном Грозным» (Гуляев 1976: 6). Но ведь и это – во многом эмоциональная оценка.

Современные люди скорее склонны возмущаться действиями конкистадоров в Мезоамерике XVI в. Они готовы считать, что индейцы были «хорошими», а конкистадоры – «плохими». При этом опять даются эмоциональные оценки, а многие стороны жизни цивилизаций Америки игнорируются, включая массовые человеческие жертвоприношения и ритуальное людоедство.

Но независимо от **любых** оценок конкистадоры обладали рядом вполне объективных преимуществ. Они имели металлические латы и железное оружие. То есть они могли извлекать из ландшафтов и трансформировать необходимое им вещество земной коры. У них были лошади и боевые псы, то есть они трансформировали часть живого вещества биосферы. Они владели намного большим количеством энергии: и энергией выючных и боевых животных, и энергией порохового взрыва. Они умели использовать энергию ветра, пригнавшего к Америке их корабли. Их мускульная энергия расходовалась эффективнее благодаря применению металлических орудий труда и оружия. Они владели запасами продовольствия, извлеченного из созданных ими антропогенных сельскохозяйственных ландшафтов.

Физикалистский подход игнорирует именно эмоциональную сторону – неважно, кто был «лучше» и с какой точки зрения. Важны трансформация вещества, накопление энергии, создание орудий труда, способность изменять окружающий мир себе на пользу.

Система описания

1. Каждое общество может рассматриваться как ландшафтообразующая система. Поэтому вводятся признаки:

- 1.1. Типы естественных ландшафтов, знакомых культуре.
- 1.2. Типы естественных ландшафтов, наполненных культурой.
- 1.3. Типы естественных ландшафтов, которые преобразует культура.
- 1.4. Типы антропогенных ландшафтов, создаваемых людьми этой культуры.

Первый признак – скорее чисто описательный. Он указывает на местообитание культуры. Очевидно, что традиционная культура восточных славян не знает ландшафтов тропического леса или средиземноморского маквиса.

Второй признак помогает различать культуры. Набор **знакомых** ландшафтов одинаков для всех обитателей Восточной Европы, будь то славяне, финно-угорские племена или готы. Но вот обитают культуры в разных ландшафтах... Это признак, говорящий не о местообитании, а об экологии культуры. Скажем, ельники нелюбимы славянами, но их положительно воспринимают финно-угры. Болота славянам кажутся зловещими и неуютными, а финнам – скорее приятными.

Тем более различны ландшафты, которые культура преобразует, и ландшафты, создаваемые на месте естественных.

На достигнутый культурой уровень развития прямо указывают признаки, учитывающие численность популяции, а также способность мобилизовать части данной популяции для решения каких-либо внешних задач, будь то оборона от внешнего врага, экспансия или создание ландшафтно-инженерных систем:

2.1. Общая численность лиц, определяющих себя как представителей данной культуры.

2.2. Общее число лиц, которые без ущерба для производственной деятельности и прочих задач функционирования культуры могут быть направлены на решение задач развития.

Культуры, находящиеся на наиболее низких стадиях развития, практически полностью поглощены одним выживанием. Показатель пункта 2.2, соответственно, у них почти равен нулю. Но уже в ранних аграрных обществах возникает возможность организовывать экспедиции на дальние расстояния безо всяких гарантий успеха (Те Ранги Хироа 1959; Хейердал 1969).

Появление массовых армий в XIX и XX вв. прямо свидетельствует: у исторически поздних цивилизаций появляется возможность отрывать от производства более половины мужской части популяции.

Еще в большей степени указывают на уровень общественного развития признаки, связанные с энергетикой культуры:

3.1. Энергия, аккумулируемая культурой (особенно показательно учесть, какую энергию может аккумулировать культура за единицу времени и в расчете на одного человека).

3.2. Энергия, которой располагает или может располагать при необходимости представитель данной культуры.

Каждый человек обладает примерно одинаковой биохимической энергией. Но если представитель одной культуры не располагает больше ничем, кроме собственных мускулов, то носитель другой может иметь выючных и верховых лошадей, запасы продовольствия (то есть располагать аккумулированной энергией растений и животных).

Носитель более развитой культуры имеет не только консервы, но и огнестрельное оружие. Автомобиль энергетичнее небольшого табуна лошадей.

3.3. Энергия, которой располагают структурные подразделения цивилизации (от армии и полиции до системы народного образования и фискальной системы). Одна этнографическая экспедиция XX в. с бензиновыми моторами и огнестрельным оружием может оказаться настолько энергетичнее целого первобытного общества, что смысл существования для членов этого первобытного племени оказывается утрачен (Кауэлл 1969).

3.4. Энергия, которую культура или цивилизация может потратить на решение задач развития без ущерба для задач функционирования (и в абсолютных единицах, и в процентах от общего энергетического баланса).

3.5. Энергия, которую культура может потратить на решение экстраординарных задач.

Хунну в III в. до Р. Х. за три года смогли переселиться из Северного Китая в степи Восточной Европы (Гумилев 1966). Эту исключительную задачу не смогло бы решить ни одно современное хунну земледельческое оседлое общество – независимо от степени такой необходимости и от личных качеств членов этого общества. Земледельческое общество может быть энергетичнее скотоводческого, но у него может не найтись свободной энергии, позволяющей без экономической катастрофы совершить сверхусилие. Это хорошо объясняет причины сравнительно легких побед кочевых скотоводческих обществ над земледельцами.

Каждое общество обладает своего рода «энергетической пирамидой». Одни его члены заняты извлечением из ландшафтов вещества и энергии (в первобытных обществах этим заняты практически все, в современном постиндустриальном обществе – только 3–5 % сельскохозяйственного населения и 3–5 % работников горнодобывающей промышленности). Другие же члены общества заняты трансформацией извлеченных из ландшафтов вещества и энергии. На ранних стадиях развития цивилизации число лиц, профессионально занятых в этой сфере, было невелико.

Число людей, занятых в непроизводительной сфере, то есть в науке, профессиональной религиозной деятельности, в армии, искусстве и литературе, поступательно растет во всех известных цивилизациях.

Эти процессы отражают признаки:

4.1. Процент несельскохозяйственного населения.

4.2. Процент лиц, занятых в сфере трансформации вещества и энергии.

4.3. Процент лиц, работающих в непроизводительной сфере.

Наконец, информационные характеристики общества могут быть переданы через признаки:

5.1. Количество всей объективированной информации, которой располагает культура. Этот показатель почти невозможно достоверно рассчитать для цивилизаций, изучаемых чисто археологически.

5.2. Процент грамотных и их половозрастной состав.

5.3. Процент владеющих иностранными языками.

5.4. Процент учившихся длительное время. Этот показатель требует учета лиц, учившихся определенное число лет – три года, пять лет или десять. Но возникает тот же вопрос: как подсчитать этот процент для Древнего Вавилона или Древнего Китая?

Автор отдает себе отчет как в огромности поставленной задачи, так и в неподготовленности научного сообщества к восприятию столь радикальных идей, но не видит другого способа решить вопрос о характере человеческого единства и объективировать изучение истории. Мы только в самом начале пути. Предложенная система описания – лишь пример того, что можно предпринять в направлении физикалистского подхода.

Библиография

- Алаев Л. Б. 1971. *Такой я видел Индию*. М.: Наука.
- Аркадьев М. А. 1991. Конфликт ноосферы и жизни. *Ноосфера и художественное творчество*: сб. ст., с. 74–87. М.: Наука.
- Березкин Ю. 1988. У истоков железной революции. *Знание – сила* 6–7.
- Бонгард-Левин Г. М. 2001. *Древняя Индия. История и культура*. СПб.: Алетейя.
- Бонгард-Левин Г. М. 2003. *Индия: Этнолингвистическая история, политико-социальная структура, письменное наследие и культура древности*. М.: Наука.
- Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. 1969. *Древняя Индия. Исторический очерк*. М.: Наука.
- Бродель Ф. 2006. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.* М.: Весь Мир.
- Буровский А. М. 1986. Этапы развития кокоревской культуры. *Советская археология* 1: 6–29.
- Буровский А. М. 1992. Цивилизации Дальнего Востока: проблема адекватного сопоставления. *Вторая дальневосточная конференция молодых ученых*. Владивосток: ДальГУ.
- Валлерстайн И. 2001. *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*. СПб.: Университетская книга.
- Васильев А. А. 2000. *История Византийской империи*. СПб.: Алетейя.
- Васильев Л. В. 1993. *История Востока*: в 2 т. Т. 1. М.: Высшая школа.
- Вернадский В. И. 1988. *Философские мысли натуралиста*. М.: Наука.
- Вернадский В. И. 2012. *Биосфера и ноосфера*. М.: Айрис-пресс.
- Видукинд Корвейский. 1975. *Деяния саксов*. М.: Наука.

- Вишняцкий Л. Б. 2008.** *Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции.* СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Го Можо. 1959.** *Бронзовый век.* М.: Изд-во ин. лит-ры.
- Греков Б. Д. 1934.** *Очерки по истории феодализма в России. Система господства и подчинения в феодальной деревне.* М.; Л.: Соцэргиз.
- Гринин Л. Е. 2011.** Истоки глобализации: мир-системный анализ. *Век глобализации* 1(7): 80–94.
- Гуляев В. И. 1976.** *По следам конкистадоров.* М.: Наука.
- Гуляев В. И. 1984.** *Забывтые города майя.* М.: Искусство.
- Гумилев Л. Н. 1966.** *Открытие Хазарии.* Л.: Изд-во ЛГУ.
- Гумилев Л. Н. 1989.** *Этногенез и биосфера Земли.* М.: Изд-во ЛГУ.
- Гуревич А. Я. 1972.** *Категории средневековой культуры.* М.: Наука.
- Данилевский Н. Я. 2008.** *Россия и Европа.* М.: Ин-т русской цивилизации.
- Джилберт Э. 2000.** *Тайны майя.* М.: Вече.
- Елинек Я. 1985.** *Большой иллюстрированный атлас первобытного человека.* Прага: Артия.
- Егер О. 1894.** *Всеобщая история:* в 4 т. Т. 3. СПб.: Изд-во А. Ф. Маркса.
- История Древнего Востока. 1983.** *Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. Месопотамия /* Ред. И. М. Дьяконов. М.: Гл. ред. вост. лит-ры.
- Каверин В. Я. 1940.** *Два капитана.* М.; Л.: Детиздат ЦК ВЛКСМ.
- Кауэлл Дж. 1969.** *В сердце леса.* М.: Географгиз.
- Конрад Н. Н. 1972.** *Запад и Восток.* М.: Наука.
- Крадин Н. Н. 1987.** *Социально-экономические отношения у кочевников в советской исторической литературе.* Владивосток: Дальнаука.
- Кулаковский Ю. А. 2003.** *История Византии:* в 3 т. СПб.: Алетейя.
- Кульпин Э. С. 1990.** *Человек и природа в Китае.* М.: Наука.
- Манькин А. С. 2004.** *Новая и новейшая история стран Западной Европы и Америки.* М.: Эксмо.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1976.** *О колониализме:* сб. 7-е изд. М.: Прогресс.
- Мелларт Дж. 1982.** *Древнейшие цивилизации Ближнего Востока.* М.: Наука.
- Моисеев Н. Н. 1988.** *Человек и ноосфера.* М.: Наука.
- Моуэт Ф. 1988.** *Люди оленьего края. Отчаявшийся народ.* Иркутск: Восточно-сибирское кн. изд-во.
- Неру Дж. 1975.** *Взгляд на всемирную историю:* в 3 т. М.: Прогресс.
- Полибий. 1994–1995.** *Всеобщая история в 40 книгах:* в 3 т. СПб.: Ювента.
- Росту У. 1961.** *Стадии экономического роста.* Нью-Йорк: Фредерик Прегер.
- Роуз Ф. 1989.** *Аборигены Австралии. Традиционное общество.* М.: Прогресс.
- Рус А. 1986.** *Народ майя.* М.: Мысль.
- Сидихменов В. Я. 1987.** *Китай: страницы прошлого.* М.: Наука.
- Струве В. В. 1941.** *История Древнего Востока.* М.: Госполитиздат.

- Тихомиров М. Н. 1975. *Древняя Русь*. М.: Наука.
- Тойнби А. 1991. *Постижение истории*. М.: Прогресс.
- Те Ранги Хироа. 1959. *Мореплаватели солнечного восхода*. М.: Географгиз.
- Успенский Ф. И. 2011–2012. *История Византийской империи*: в 5 т. М.: АСТ; Астрель.
- Ферро М. 1992. *Как рассказывают историю детям в разных странах мира*. М.: Высшая школа.
- Фроянов И. Я. 1974. *Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории*. Л.
- Фроянов И. Я. 2012. *Древняя Русь IX–XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть*: учеб. пособие. М.: Русский издательский центр.
- Цвейг С. 1963. Звездные часы человечества. В: Цвейг С., *Собр. соч.*: в 7 т. Т. 3. М.: Правда.
- Чайлд Г. 1952. *У истоков европейской цивилизации*. М.: Изд-во ин. лит-ры.
- Чайлд Г. 1956. *Древнейший Восток в свете новых раскопок*. М.: Изд-во ин. лит-ры.
- Шпенглер О. 1998. *Закат Европы*. М.: Мысль.
- Хейердал Т. 1969. *Приключения одной теории*. М.: Мысль.
- Элькин А. 1952. *Коренное население Австралии*. М.: Изд-во ин. лит-ры.
- Ясперс К. 1991. *Смысл и назначение истории*. М.: Политиздат.